

«ПУСТОЙ ЗНАК» В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ: ГЕНЕЗИС И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

ТЮЛЕНЕВА Е.М. кандидат филологических наук, доцент

В статье рассматриваются теоретические и методологические основания введения понятия «пустой знак» и его использования для описания постмодерной ситуации и постмодернистского текста.

В рамках постструктуралистских теоретических и постмодернистских эстетических построений формируется представление о «пустом знаке», обусловленное пересмотром традиционной референциальной концепции знака. Уже в интерпретации Ж. Лакана сосюрская модель «целостного» знака как взаимообусловленного единства означающего-означаемого заменяется знаком «разорванным», в котором означающее, получающее определение «скользящего», или «плавающего», обособляется. У Ж. Делеза разрыв в системе означения, инициирующий пустоту, становится характерологическим принципом современного типа репрезентации. Отказывая знаку в наличии жесткой структуры, Р. Барт актуализирует факт процессуальности означивания, подвижности и многозначности возникающих смыслов.

Критика сложившейся в западной философии теории репрезентации сопровождается устремлением постмодернизма к диссоциации смысла как явления «становящегося» (то есть возникающего в процессе смыслообразования) и внетекстового референта, традиционно этот смысл гарантировавшего. Так, Ж. Делез, отрицая предданность смыслов, их абсолютное или трансцендентное бытие, настаивает на принципиально иной форме существования: как эффект или продукт, смыслы возникают на «поверхности вещей»¹. По мысли М. Фуко, ни одно высказывание не может обладать латентным существованием, поскольку оно касается действительно сказанного². Те пропуски или пробелы, что встречаются в высказываниях, не следует путать с «потайными» значениями, ибо они обозначают лишь присутствие высказывания в пространстве рассеивания. Таким образом, смысл устанавливается в качестве события-становления, он актуален, плюрален и подвижен, поскольку имеет дело не с регулярным, а различным. Находясь в состоянии бесконечного генерирования, смысл-событие может трактоваться как «несуществующая сущность» и рассматриваться в категориях пустоты (через отсутствие, неполноту, незавершенность, случайность, мнимость, неподлинность, нонсенс и т.п.).

Возникновение «пустоты» в контексте размышлений о смысле закономерно проистекает из исходной установки на отмену или утрату сущностей и универсалий, с одной стороны, сигнификации и денотации – с другой. Утверждение приоритетности процесса, поверхности, эффекта, несвершающегося события приводит к поиску подходящего объекта-пространства-имени, которое по определению было бы двояким, ускользающим, неким нестановящимся настоящим, как,

например, Эон у Ж. Делеза³. Потому в версии Делеза пустота становится одновременно и местом для проявления смысла-события, и вечной невозможностью такого места – нонсенсом поверхности, всегда лишенной места случайной точкой, в которой событие вспыхивает как смысл.

М. Фуко в подобной ситуации говорит о «зияющем» пространстве знака⁴, всегда открытом, бесконечном, не имеющим никакого реального содержимого, но наполненным некой реактивной игрой. Поскольку слово сегодня уже не может рассматриваться как знак в системе знаков, а демонстрирует свое самостоятельное бытие, постольку речь идет о новом восприятии языка или языковой артикулированности мира. Современность может быть выражена, как это представляет Фуко, только в языке, не связанном никакими предзаданными смыслами. Специфическими элементами нового языка становятся разрыв, «крутизна», «растерзанный профиль»⁵. Будучи самодостаточной, новая языковая реальность выступает как инстанция кругообразная, вновь и вновь отсылающая только к себе.

Согласно утверждениям Ж. Дерриды, в противовес метафизике присутствия, базирующейся на наличии трансцендентального означающего, следует предложить метафизику отсутствия⁶. Поскольку только в этом контексте можно представить знак, «одновременный жизни мира». Оказываясь за пределами присутствия, знак репрезентирует самого себя. Собственно, он существует исключительно как повторение самого себя. Дело в том, что в современных условиях движение знаковой цепочки, бесконечный процесс означения неостановим. Он не может задержаться на таком означающем, которое не продлило бы возникшую цепочку, поскольку любое означающее уже находится в позиции «значащей субституции». Не существует такого феномена, который сумел бы редуцировать знак и представить означаемую вещь как имманентное присутствие. В итоге мир, с которым сталкивается человек, не что иное, как бесконечная знаковая интерпретация, где знаки интерпретируют друг друга.

Как следствие, новое функционирование знака требует отказаться от процедур описания и моделирования в качестве методов исследования знака и перейти к изучению механизмов генерирования, ассимиляции, клиширования и т.д. Так, основная задача деконструкции, как ее видит Деррида⁷, состоит в определении того способа, каким осуществляется распадение связки означаемое-означающее;

той процедуры, в которой понятие утрачивает свое прежнее обозначение, начиная обозначать нечто совершенно отличное от себя. В свою очередь предложенный Бартом текстовый анализ⁸ должен продемонстрировать смыслопорождающие возможности текста, его подвижность, неокончателность, процессуальность как специфическое свойство. Обе методики принципиально отказываются от погружения «в глубины» текста как от движения, соотносимого с выискиванием смысла. Интерес, напротив, представляет поверхность, формальная пустота текста: движение по цепочке метонимии, позволяющее проследить мерцание смыслов у Барта, или заполнение пустот дополнениями, обеспечивающее нефинальность смыслопорождения у Дерриды.

Другим фактором, обусловившим явление «пустого знака» и вместе с тем по-своему соотношенным с утратой знаком референциальной функции, становится кризис метанарраций. Метанаррации как универсальные и легитимирующие дискурсы, по мысли Ж.-Ф. Лиотара, сформулировавшего эту проблему, вызывают недоверие как тотальный способ высказывания⁹. Изменяются приоритеты общества: первостепенным становится не достижение единого коллективного «тела социума» через унификацию множественности, а культивация разнородности, вариативности, сосуществования различных языковых практик.

М. Фуко, рассматривавший ситуацию в свете археологического описания, видит необходимость сознательного отказа от истории идей, ее постулатов и процессов, что позволит преодолеть стереотипную зависимость от дискурса¹⁰. Одной из попыток такого рода действия может стать версия или вариации известной истории. Важно перенести акцент с тождественности (то есть соответствия традиции) на различие. Различие у Фуко так же, как у Делеза и Дерриды, позволяет актуализировать знак (в современном контексте всегда только означающее), продемонстрировать его специфическое состояние – существование исключительно здесь-и-сейчас. Так, архив нельзя исчерпывающе описать, как нельзя «схватить» его в целостности, поскольку существование архива – в актуальном.

Закономерно, на археологическом уровне человек и немислимое (формально пустое) существуют в одном времени-пространстве. У Фуко они современники¹¹. Немислимое в современной эпистеме становится реальностью, действием и практикой. Потому современная онтология должна представлять не онтологию ума, описывающего мир, а онтологию немислимого. В этой ситуации возникает соотношение «пустого знака» с представлением о пустоте первоначала. Первоначало пустотно в том смысле, что не имеет исходного наполнения, как невозможно в принципе определить сам исходный момент: первоначало выступает инстанцией циклической, стремящейся к возобновлению, возврату и специфическому повтору повтора.

Ж.-Ф. Лиотар формулирует понятие нерепрезентативности эпохи постмодерна и, соответственно, представление о нерепрезентативной эстетике¹². Исключительная семантическая открытость и смысловая нестабильность приводит к невозможности соблюдения условий репрезентации и осуществления ее механизма. Репрезентация заменяется изображением-процессом, изображением-производством, порождающим не значения, а исключительно энергию. На первый план выходит нестабильность: зыбкость, подвижность, плюральность, различие, неизвестное, паралогия и т.д. Именно нестабильность оказывается востребованной, когда под сомнение ставится «знание», «известное», «базовое». Закономерно, по Лиотару, одной из центральных характеристик постмодерна оказывается установка на «поиск нестабильностей».

В том же направлении развиваются представления Ж. Делеза об идее. Делезовские идеи очевидно противопоставлены Абсолютным Истинам; в принципе они родственны симулякрам, имеют сходную с симулякрами структуру и также соотносятся с сингулярностями¹³. Идея не едина и не множественна: это множественность, состоящая из дифференциальных элементов, дифференциальных связей между элементами и сингулярностями, соответствующими этим связям. В идее акцентируется различие различного, идея актуальна (в смысле существования здесь-и-сейчас), в ней воплощается и узнается реальный, свершающийся опыт. Идея реальна, но не действительна, она виртуальна. Ее специфика состоит в представлении через зарождающееся различие, дифференциал.

Деррида, соглашаясь с Делезом, формулирует проблему следующим образом: речь идет не об отсутствии истины, а о плюралистичности и множественности истин. Причина подобного состояния заключается в том, что истина (или смыслополагание) перемещается из сферы трансцендентальных означаемых, запредельных сознанию, в пространство означающих: в мир неосуществимой окончательности, неостановимой процессуальности, игры смыслоозначения. Это и есть собственно мир человеческого существования, или мир *differance*, как его определяет Деррида¹⁴. Соответственно, разработка проблем смысла и истины переносится на уровень языковой формы, записанного слова, граммы – туда, где осуществляется игра знаков. Всякое явление на этом уровне приобретает статус незначимого (пустого знака), открытого семантическому заполнению. Присутствие отсутствия, или открытый контекст, обуславливает пространственно-временные и смысловые смещения, развитие ассоциативных цепочек, игру цитации – всего того, что определяет постмодернистский текст.

Р. Барт, занимаясь исследованием идеологических структур как смыслопорождающих

механизмов и поиском соответствующих анти-идеологических «противоядий», обращается к феномену пустоты, способному продемонстрировать аннигиляцию смысла¹⁵. Речь идет о том, что называется «пустым письмом» (белым, нейтральным, опустошенным) и «молчанием формы». Барт настаивает также, что дискурсивной тотальности невозможно избежать, руководствуясь идеями разрушения, замены или *иного* смыслополагания. Поэтому в качестве стратегии дискурсивного существования Барт предлагает «ускользание», «смещение», «дрейф»¹⁶, в принципе соотносимые с лиотаровским понятием «нестабильность». По Барту, нужно не уничтожить смыслы, а размягчить их, ввести в состояние текучести, подвижности, вариативности. Только это даст возможность преодолеть жесткую модель однозначности, принудительности смысла-топоса. Отсюда поиск промежуточного, нейтрального положения в структуре оппозиции и описание состояния атопии (непривязанности к месту, бездомности). Не берясь разрушать анти-тезу оппозиции, он предлагает нейтрализовать ее, реализовав тем самым искомую смысловую атопию – ситуацию балансирования между смыслами или в промежутке между их возникновением-исчезновением.

Особая роль «пустого знака» в постмодернистской теории и практике состоит в демонстрации симулятивности всякой репрезентации или идеи репрезентации вообще. Современный знак предстает симулякром – неким образованием, бытийным началом, не имеющим никакого обоснования, кроме самого себя. Он рассматривается и оценивается, исходя «из самого себя», ни к чему не отсылая, ничто не воспроизводя. В этом смысле симулякр оказывается, например, для Делеза идеальным понятием, описывающим ту специфическую ситуацию «чистого опыта свершения», которая, по его мнению, характеризует современное существование мира¹⁷. Это существование представляется вечным возвращением симулякра, обеспечивающим движение и возможность самостоятельного существования вариаций. Система симулякра основана на дивергенции и децентрировании: ряды не имеют привилегий и преимуществ, взаимоотношений противопоставленности или аналогичности, ни один из них не обладает идентичностью образца либо подобием копии.

У Бодрийера симулякр становится символом современности¹⁸: актуальная реальность тотально симулятивна, и обратно – симуляция – это единственная реальность, с которой сегодня имеет дело человек. Эпоха симуляции наступает, как только знаковая сфера, а точнее – исключительно сфера означающих, обретая имманентность и автономность, становится сферой производства реальности. Симулякр в этом контексте представляет собой самодостаточную пустую форму, чистую телесность, видимость, материализовавшуюся ситуацию «как бы».

Образованная симулякрами, «знаковая

система» поглощает и процесс производства – обмена – потребления, и собственно труд, и субъекта, и объект. Ни один из перечисленных элементов уже не существует за пределами этой системы – он ее порождение и свидетельство существования. Система работает на свое воспроизводство, утратив какой бы то ни было иной смысл. Все более отчуждаясь от означаемого, порывая со значениями и референциями, в принципе стремясь взаимодействовать только между собой, знаки отчуждаются от реальности – наступает эра означающего. Бодрийер констатирует существование единственной реальности, порожденной работой знака (означающего), – это мир бесконечных отражений означающего, его эффектов и фантазмов¹⁹. Наступает стадия относительности, всеобщей подстановки, комбинаторики и симуляции, поскольку знаки легко обмениваются друг на друга, но не обмениваются больше ни на что реальное. Бесконечное производство коннотаций при отсутствии денотатов, окончательный отрыв знаков от своих референтов приводит идеологический дискурс в состояние глобальной симуляции, или «всеенейтрализующей пустоты». Исследователь имеет дело с пустыми формами социальных институтов, научных дисциплин, мнений общественных представителей, интересов социальных слоев и т.п. Знаки автономизируются, порождая и устанавливая смыслы, не имеющие подтверждений в реальности, нетождественные ей, наконец – мнимые.

У Делеза и Фуко анализ дискурса происходит, как правило, в контексте обнаружения избытка означаемого по отношению к единственному означающему. Поле возможных формулировок бесконечно, дискурсивная формация существует как переплетение дискурсов, реализуя принцип «бессодержательности в поле речи». Тогда как высказывание всегда в дефиците по отношению к тому, что потенциально возможно как высказывание. Отсюда интерес авторов к рассмотрению высказываний непосредственно на границе их возникновения. Такое положение позволяет обнаружить в дискурсивных формациях функционирование лакун, пустот и разрывов и сделать вывод о невозможности существования структуры без «пустого места» (Делез) или «нехватки» (Фуко), катализирующих движение.

Актуальным становится овеществление отсутствующего объекта или шире – овеществление пустоты. Или с другой стороны – перенос внимания с понятийной абстрактности на конкретно-телесную вещественность. В формулировке Лиотара этот процесс демонстрирует общую тенденцию замещения непостижимой действительности «преображенными объектами своего желания»²⁰. Такого рода пустые формы реальности должны стать индикаторами отсутствия власти, диктующего начала, разрушения однозначности – во-первых; стереть

границы между внешним и внутренним и высвободить воспринимающую активность субъекта – во-вторых.

У Дерриды в сходном значении употребляется термин «опространствование»²¹, что может пониматься как обретение пространственной формы. Речь идет прежде всего об опространствовании письма как специфическом его качестве. Собственно опространствование, пространственное существование письма, считает Деррида, и делает его возможным. Пространство создается пробелами между буквами и словами, пунктуационными знаками, символами пространства и т.п. Опространствование демонстрирует образ *ничто*: оно не рассматривается как знак, поскольку не имеет означаемого, оно всегда поверхность, всегда само отсутствие. Опространствование письма состоит в обозначении пустот (пауза, интервал, знак пунктуации и т.п.). А письмо, соответственно, начинается с приближения к точке «ничто».

Установка на перенос смысла из «глубинного» контекста предзаданности в сферу «здесь-и-сейчас становления» приводит в свою очередь к актуализации и введению в понятийный аппарат «поверхности». По утверждению Делеза, современное мышление должно отказаться от представления, которое было ориентировано на абстрактное, представляющее сам объект как таковой вне зависимости от субъекта, чтобы научиться мыслить конкретное в его неповторимости, в его различии и повторяемости, в его самодостаточности²². Поверхность письма, воспринимаемого как пространство, интересует и Барта. Интересует, в первую очередь, в плане разворачивающегося на этой поверхности действия: безостановочного возникновения-исчезновения смыслов.

Выведение на первый план поверхности и, соответственно, интерес к проработке ее деталей, событий, происходящих на ней, определяют специфически постмодернистскую переориентацию с результата деятельности на ее процесс. Именно процесс как ситуация длительности и неокончателности позволяет продемонстрировать множественность, вариативность интерпретаций, мерцание смыслов и т.п. – качества, присущие современному миру. Процессуальность как базовое свойство письма снимает проблему центра, а знаковая игра устраняет структурную иерархию. Отсутствие центра в свою очередь подрывает абсолютность присутствия. Или позволяет сконцентрироваться на самой ситуации неуловления (недостижения) и механизмах этой неуловимости.

Своеобразной иллюстрацией процессуальности является ризома. Ризомность в принципе возникает как характеристика, противопоставленная структурности, а потому пустотная (с ее специфическим «компонентным набором»: децентрированность, нестабильность, открытость, хаотичность, множественность и т.п.). Определяющая ризому перманентная подвижность

предполагает также и наличие «разрывов» как переходов в новое состояние или конституирующих моментов. Ризомность, как и процессуальность, обеспечивает вечное состояние «срединности», родственное представлению о пульсировании смысла на поверхности и идее отсутствия границ.

Итак, понятие «пустого знака» возникает вследствие утраты знаком репрезентативной функции, соотносится с общепостмодернистским недоверием к метанаррации и трансцендентальности смысла и проявляется в перенесении внимания с понятийной абстрактности на конкретно-вещественную телесность, актуализации формы, поверхности, множественности смысла, ризомности и процессуальности.

¹ Делез Ж. Логика смысла. М.; Екатеринбург, 1998. С. 18–19.

² Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 118.

³ Делез Ж. Логика смысла. С. 90–91, 184.

⁴ Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // http://www.bookz.ru/authors/fuko-mishel_/nfm.html

⁵ Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук // <http://www.lib.ru/CULTURE/FUKO/weshi.txt>

⁶ Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. С. 353–354.

⁷ Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С. 129.

⁸ Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 425.

⁹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1998. С. 10.

¹⁰ Фуко М. Археология знания. С. 129–131.

¹¹ Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук // <http://www.lib.ru/CULTURE/FUKO/weshi.txt>

¹² Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. С. 130–144.

¹³ Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 335.

¹⁴ Деррида Ж. *Differance*. Томск, 1999. С. 138.

¹⁵ Барт Р. Нулевая степень письма // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 93–95.

¹⁶ Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы. С. 476–478.

¹⁷ Делёз Ж. Различие и повторение. С. 320, 334.

¹⁸ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // <http://www.txt.knihi.com/nihil/ baudrillard.htm>

¹⁹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 140; Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // <http://www.txt.knihi.com/nihil/ baudrillard.htm>

²⁰ Лиотар Ж.-Ф. Интеллектуальная мода // <http://www.rema.ru/komment/comm/11/2lyotard.htm>

²¹ Деррида Ж. О грамматологии. С. 123, 323.

²² Делёз Ж. Различие и повторение. С. 351.